

УДК 141.136

РАЗВИТИЕ ИДЕЙ СУБЪЕКТИВНОГО ИДЕАЛИЗМА В XX-XXI ВВ.***Н.И. Береснева, В.Д. Береснев***

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15

e-mail: beresnev@mail.ru

Субъективный идеализм имеет много разновидностей. Классический субъективный идеализм (Беркли, Фихте, Мах) исходит из представления о мире как совокупности ощущений. С течением времени проблема достоверности ощущений отходит на второй план, а на первый план в качестве демиурга внутреннего мира человека выходят знаковые системы, прежде всего — язык. Человек при помощи языка творит и внешний, и внутренний мир (включая сами ощущения). В культуре XX-XXI вв. субъективный идеализм в целом и солипсизм в частности стали метафорой одиночества, отчуждения человека от общественных институтов.

Ключевые слова: субъективный идеализм; аргумент к ощущениям; язык (текст), сознание.

Субъективный идеализм — направление в философии, отрицающее наличие какой-либо реальности вне сознания субъекта, рассматривающее реальность как нечто полностью определяемое активностью сознания, ставящее под сомнение реальность объективного мира в силу несоответствия ощущений и реальных свойств вещей, предметов и их образов в нашем сознании. Субъективный идеализм имеет много разновидностей, включая разные школы позитивизма (махизм, операционализм, логический эмпиризм, лингвистическую философию и т.п.), прагматизм, философию жизни (Ницше, Шпенглер, Бергсон) и выросший из нее экзистенциализм (Сартр, Хайдеггер, Ясперс и др.).

Классический субъективный идеализм (Беркли, Фихте, Мах), тезисом который исходит из представления о мире как совокупности ощущений, часто расценивается как тупиковое направление в развитии философской мысли,

логически приводящее в конечном счете к утверждению, что для каждого человека существует только он один, а все остальное существует лишь в его сознании (т.е. к солипсизму, от лат. *solus* — один, *ipse* — сам). Чтобы отмежеваться от крайностей солипсизма, философы жертвуют последовательностью субъективно-идеалистической позиции, например, вводя категорию бога, гарантирующего реальность мира (Беркли). Логически (гносеологически) субъективный идеализм, вероятно, и в самом деле представляет собой тупик: сомнение в реальности мира делает бессмысленным процесс познания.

Родоначальники субъективного идеализма и агностицизма исходили из того, что ощущения являются первичной реальностью, с которой имеет дело человек. Классический субъективный идеализм, идущий от Беркли, использует аргумент к ощущениям — мир замкнут в

сознании человека благодаря ощущениям, за пределы которых человек выйти не может, при том, что сами ощущения ни внешне, ни внутренне ничем не обоснованы. Ощущения не определяются как субстанция, но истинная их причина полагается непостижимой.

С течением времени проблема достоверности ощущений отходит на второй план, а на первый план в качестве демиурга внутреннего мира человека выходят знаковые системы, прежде всего — язык. Человек при помощи языка творит и внешний, и внутренний мир (включая сами ощущения). Отправной точкой этому направлению послужила теория В. фон Гумбольдта, который, оспаривая положение Г.В.Ф. Гегеля о том, что философия может быть построена как окончательно обоснованная наука о Духе как сущности мира, считал, что между субъектом и объектом, между человеком, миром и Богом есть изначальный посредник — язык. Поэтому процесс самообоснования, самопознания духа изначально развёртывается в сфере языка. Мышление не может охватить «безъязыковую», чисто физическую реальность, по сути, по тем же соображениям, по которым не может познать «вещей в себе» кантовский рассудок («безъязыковая реальность» = «вещь в себе»).

Новый вариант субъективного идеализма можно возвести к известной фразе Гумбольдта о языковом круге: «Каждый язык народа описывает вокруг народа, которому принадлежит, круг, из пределов которого можно выйти только в том случае, если вступишь в другой круг, т.е. изучишь другой язык, и, следовательно, усвоишь новую точку зрения в прежнем миропонимании» [2. С.80]. Таким образом, помимо аргумента к ощущениям выдвигается аргумент к языку: между человеком и миром находятся не только ощущения, но и языки. Получается бо-

лее сложная конструкция субъективного идеализма. Язык — это тюрьма для духа, человек «заперт» в языке, язык закрывает выход в мир. Но если заключённый может выйти из мест заключения, то из языковой тюрьмы человек не может выйти никогда.

Идея господства языковой системы как границы, непреодолимой стены для тех, кто ею пользуется, диктата ее законов и невозможности выйти из нее развивается в последующих течениях философии. В концепциях структуралистов (Леви-Строса, Лакана, Барта, Фуко), например, по аналогии с языком, который порождает все произведения речевой активности, появилось представление об априорной бессознательной структуре, подобной языку, которая порождает все произведения социально-символической активности, деятельности человека (отношения родства, ритуалы, формы искусства и др.). Априорная, бессознательная структура — это своего рода категориальная сетка, которая упорядочивает любое «содержание».

Подобно языку все продукты социокультурного творчества стали рассматриваться как знаковые конструкции — проявления своего рода языка — тексты. И первобытный ритуал, и научный трактат, и рекламный ролик — все это речь, состоящая из знаков, имеющих значения. Эти значения возникают не сами по себе, а в силу того, что знаки принадлежат к некоторой системе (подобной системе языка) и вне этой системы никакой культурный знак существовать не может. И через «речь» можно проникнуть к структуре — к «языку», знаково-символическим системам. При этом структуры играют роль порождающих моделей, т.е. бессознательных механизмов, которые определяют ход мысли исследователя. Поэтому, хотя человек и строит иллюзии относительно своей сво-

боды и суверенности, на самом деле за любым культурным феноменом лежит СТРУКТУРА; подобная языковой, она организует нашу жизнь, в ней мы существуем.

Предпринимаются попытки изучения механизмов, позволяющих структурам осуществлять влияние. Например, Р. Барт, обращаясь к невинному, на первый взгляд, феномену «письма», сумел разглядеть общественный подавляющий механизм, институт, обладающий серьезной принудительной силой, как и любое другое общественное установление. «Письмо» понимается как «социолект» в рамках единого национального языка и, одновременно, это предметившаяся в языке идеологическая сетка, которую та или иная группа, класс, социальный институт и т.п. «помещают» между индивидом и действительностью, понуждая индивида думать в определенных категориях, выделять и оценивать лишь те аспекты действительности, которые в сетке признаются значимыми. Все продукты социально-языковой практики, все социолекты, выработанные поколениями, классами, партиями, литературными направлениями, органами прессы и т.п. за время существования человеческого общества, можно представить себе как хранилище различных видов «письма», откуда индивид вынужден заимствовать свой «язык», а вместе с ним и всю систему ценностно-смыслового отношения к действительности [1].

Принудительное воздействие структур объясняется в рамках коннотативной семиологии Л. Ельмслева [3] с помощью понятия «коннотативный смысл» — дополнительное, сопутствующее значение языковой единицы, воплощающее принятую в данном языковом коллективе и закрепленную в культуре данного общества оценку предмета или факта действительности, обозначаемого словом. Такие смыслы

латентны, никогда прямо не называются, а лишь подразумеваются. Они агрессивны, т.е. не довольствуются мирным соседством со знаками денотативной системы, а стремятся подавить их или даже полностью вытеснить. Любой язык представляет собой, таким образом, комбинацию денотативного и коннотативного, выказанного и подразумеваемого уровней, причем подразумеваемое может при определенных условиях эксплицироваться, а эксплицитное может уйти в коннотативный «подтекст».

Таким образом, в науке был осуществлен переход от изучения знаковых систем, непосредственно осознаваемых и сознательно используемых людьми, к знаковым системам, которые людьми не осознаются, хотя ими и используются, более того, во многих случаях ими управляют.

В современной философской традиции язык (текст) начинает выступать в роли исходной философской реальности. Прежде основная оппозиция в философии была оппозицией сознания и материи (субъекта и объекта). Начиная с Гумбольдта в классическую дихотомию «мышление — реальность» был введен третий компонент — язык (оппозиция принимает вид «мышление — язык — реальность»). В настоящее время основная оппозиция «автор и интерпретатор (мышление) — текст (язык)». И даже уже — только оппозиция «интерпретатор — текст». То есть центр тяжести переносится с мира как такового на текст, который самодостаточен и наделен некоей субстанциальностью, а все акценты переместились на деятельность субъекта-интерпретатора. Основной вопрос философии приобретает вид вопроса о том, что первично — текст или смыслы (значения) в сознании субъектов. И как вариант основного вопроса философии: могут ли смыслы в сознании интерпретатора рассматриваться как неза-

висимые от смыслов в сознании автора? Текст с бесконечным количеством его интерпретаций приобретает безграничное господство.

Новоявленный «языковой» идеализм имеет вполне очевидные эмпирические основания: подавляющее большинство иллюзий, заблуждений, которые наиболее трагически переживаются современным человеком, связаны с языком. Если раньше основные заблуждения людей, познающих мир, были связаны с чувственным восприятием — плоская земля, земля как центр мира, — то сегодня наиболее острые заблуждения и переживания связаны с идеологическими построениями, искажающими представления о роли государства в классовом обществе, иллюзией равенства людей перед законом, правдивости СМИ — связаны со знаковыми системами, текстами, языком.

Проблема замкнутости человеческого сознания поставлена в не менее трагическом ключе, чем в философии Беркли, Юма, Канта. В культуре XX-XXI вв. субъективный идеализм в целом и солипсизм в частности стали метафорой одиночества, отчуждения человека от общественных институтов. Эта тенденция может быть объяснена целым рядом причин. В частности, тем, что структура общества (как бытия, так и сознания) становится настолько сложной, что человек не в состоянии ее в целом осознать и пребывает в постоянном сомнении: является ли то, что он наблюдает, истинным положением вещей. Индивидуальное сознание не способно отразить все многообразие общественного бытия и общественного сознания. Это происходит потому, что мы имеем дело в обыденной жизни с частным знанием о мире и обществе. Сказывается нехватка реалистической философии — общих положений, адекватно описывающих сложную структуру.

Человек конца XX — начала XXI в. оказался не готов к обрушившемуся на него потоку информации. Свобода информации превращается для человека в несвободу — в информационных потоках он теряется. Актуальной оказывается проблема умения жить, правильно себя позиционировать в условиях информационного бума, адекватно оценивать ситуацию. Человек оказывается потерянным, он не знает, кому верить и можно ли верить кому-то вообще.

Научная философия отрицает самодостаточность и абсолютную замкнутость языка и других знаковых систем, полагает их в качестве средства познания. В представленной проблеме следует различать план этический и онтологический — то, что представляет собой знак по своей природе, и то, с какой целью мы им пользуемся. Чтобы решить проблему, необходимо выяснить, для чего возникает язык и прочие знаковые системы, какие задачи он решает и какие функции выполняет. Язык — это порождение материи — того самого мира, реальность которого ставится под сомнение, поскольку он возникает не просто внутри сознания человека, а при взаимодействии сознания с внешним миром и другими людьми.

Язык обладает колоссальной активностью внутри человеческого сознания. Собственно, он и объединяет в одно целое — сознание — все уровни, формы, виды мыслительного, эмоционального, волевого освоения мира взрослого homo sapiens. Человеческое познание мира невозможно представить вне языка. И одна из уникальных возможностей языка — возможность отражать мир искаженно, более того, создавать искусственные, иллюзорные модели мира.

Но такая активность языка — это активность не духа, а прежде всего материи (в языке дух объединен с материей, но именно благода-

ря этому он способен воздействовать не только на индивидуальное сознание, но и на массовое). И вводить людей в заблуждение — не единственная (и не самая главная) функция языка. Сама природа языка, как и природа ощущений, заключается не в том, чтобы замкнуть сознание человека внутри себя, а в том, чтобы разомкнуть, расширить, соединить с сознаниями других людей и с внешним миром. Только при помощи языка человек может проникать в сознание других людей, преобразовывать мир в больших масштабах.

Список литературы

1. *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989.
2. *Гумбольдт В. фон.* О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.
3. *Ельмслев Л.* Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. М.: Иностран. лит., 1960. Вып.1. С.264-389.

DEVELOPMENT OF IDEAS OF SUBJECTIVE IDEALISM AT XX-XXI CC.

N.I. Beresneva, V.D. Beresnev

Perm State University, 15, Bukirev str., Perm, 614990

Subjective idealism has a lot of varieties. Classic subjective idealism (George Berkeley, Johann Gottlieb Fichte, Ernst Mach) comes from the pattern of world as the aggregate of feelings. In time the problem of authenticity of feelings departs on the second plan, and on the first plan the signs systems go out as demiurge of man's internal world, foremost is language. A man through a language creates an outer and internal world (including feelings). In the culture of XX-XXI ages subjective idealism on the whole and solipsism, in particular, became the metaphor of loneliness, alienations of man from public institutes.

Key words: Subjective idealism; argument to feelings; language (text); mind.